
Н. М. Гурина (Брест)

**МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ 'ЯЗЫК' И 'РЕЧЬ'
В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

Работа выполнена в русле исследований метаязыковой деятельности человека, т. е. особого вида теоретической деятельности, направленной на наблюдение над языком и процессом коммуникации. В ней обобщаются материалы дискуссий о современном состоянии русского языка, которые проводились редакцией журнала «Знамя» в 2006 и 2007 гг., в качестве иллюстрации привлекаются отдельные статьи из других изданий. Всего проанализировано 15 статей профессиональных филологов за последние 5 лет. Цель работы – обнаружить и классифицировать оценочные высказывания о языке/речи в современной публицистике, на их основе сделать некоторые выводы о направленности лингвистического сознания образованных носителей языка. Предлагается классификация языкового материала по двум основаниям: а) по аксиологическому (метаязыковые высказывания, содержащие отрицательные и положительные оценки языка/речи); б) по направленности оценки (на код и его элементы либо на текст). Анализ материалов дискуссии позволяет увидеть, какие темы волнуют профессиональное сообщество. Это проблемы культуры речи, семантики, стилистики, а также отношение к заимствованиям, дисбаланс между экспрессивной и информативной функциями языка. Поскольку аксиологическая модальность в представленных текстах преобладает, то полезно отграничить оценки речи от оценок языка, что сами авторы не всегда делают, ср. высказывание В. Елистратова: «По отношению к языку (здесь и далее я буду употреблять слово "язык" в расхожем "синтетическом" значении: и как язык-систему и как речь-реализацию), итак, по отношению к языку у значительной части его носителей появилось совершенно особое с мировоззренческой точки зрения отношение: русский язык полностью и безоговорочно превратился в товар» [4, с. 187]. Специально акцентирует внимание на различии терминов *язык/речь* М. Кронгауз: «Современный русский язык, а правильнее сказать – русскую речь или даже дискурс, критикуют сразу по нескольким параметрам: безграмотность, экспансия английского, смешение стилей» [6, с. 139]. Профессор Л. Зубова назы-

вает выражение *реформа языка* «апофеозом безграмотности» [5, с. 189]. «Стал ли русский язык более криминальным?» – спрашивает М. Кронгауз, рассуждая о проникновении блатного жаргона в речь. Очевидно, что асимметричное распределение оценок между фактами языка и речи усугубляется неразличением исходных терминов. Авторы отмечают типичные речевые ошибки, связанные с ударением, формообразованием и лексической сочетаемостью. Но это именно ошибки в речи, а не в системе языка. Для каждого человека психологически важно говорить правильно, «как все люди», и в случае конфликта между системой и нормой грамотный человек сделает выбор в пользу нормы. Нам представляется, что в современных условиях коммуникации, когда фактически ничего не запрещено и все новое уже испробовано, выгодно говорить правильно. "Портится" ли математика от того, что какой-нибудь, извините, сопливый школьник-двоечник неправильно решил задачу по математике? Нет. Аналогично: если школьник, некультурно утерев соплю рукавом, сказал "ложит" вместо "кладет", он испортил свое, "личную" речь. А языковой системе от его "ложит" ни жарко ни холодно», – считает В. Елистратов [4, с. 191]. Ошибки в публичном общении можно объяснить тем, что в нашей жизни стало больше спонтанной речи и, как следствие, больше речевых недочетов.

Участники дискуссии подвергли оценке единицы всех уровней: графического (латинизация алфавита), лексического (недостаток номинаций в определенных сферах, переизбыток иноязычных элементов и жаргонизмов, появление новых эвфемизмов), грамматического (изменения в глагольной категории переходности в [10]). В статье Н. Головкина [1] представлен образец неконвенционального отношения к знакам письма. Его идеал – в прошлом, в дореформенном состоянии русского языка (до 1918). Неконвенциональное отношение к языковым знакам присутствует и на уровне лексики: «Как это ни грустно, слово сейчас – не Слово. Оно сейчас – имя нарицательное» [3, с. 153].

«Жизнь в эпоху перемен, кроме всех прочих ее особенностей и свойств, сопряжена с резкими и чувствительными изменениями в лексике. Наряду с депопуляцией страны происходит делексикализация ее языка, обеднение словарного запаса, – утверждает М. Эпштейн. – Вот о чем нужно бить тревогу: насколько русский язык

в нынешнем своем состоянии позволяет производить работу мысли, необходимую для полноценного включения в ноосферу XXI века, для концептуального воздействия на умы и информативного взаимодействия с другими языками» [9, с. 198]. С ним солидарен академик И. Г. Милославский, который считает важным обсуждение вопроса о том, «насколько совершенным орудием по отношению к осмыслению окружающей действительности является русский язык» [8, с. 152]. Профессор Н. Б. Мечковская пишет, что языки не становятся более доступными в том числе и из-за «чрезмерной сложности языкового кода и правил» [7, с. 130]. Одной из основных угроз языку публицисты считают экспансию заимствований. Большинство исследователей и простых любителей русского языка сходятся в том, что нельзя любое заимствование принимать в штывы. Л. Зубова, к примеру, уверена в том, что «...язык мудр, и если появляется иностранное слово, оно обычно приобретает новое значение. Например, у себя в комнате пол подмести – дело, но не бизнес. Так что иностранные слова не портят, а обогащают язык» [5, с. 188]. В речевой практике журналистов заметен отказ от канцелярского стиля, но он оказался достаточно живучим. «Похоже, что основное назначение казенного стиля речи – не сообщить что-либо, а отгородиться от собеседника, демонстрируя статусное превосходство. Простое человеческое *не знаю* заменяется такими восхитительными оборотами речи: «Сейчас изучение этого вопроса находится в динамике» [2, с. 176].

Как показала дискуссия, филологи склонны обсуждать проблемы языка/речи в более или менее сдержанном регистре. Увеличение количества метаязыковых высказываний в публицистике говорит о том, что коммуникация не становится проще и чаще подвергается рефлексии.

1. Головкин, Н. О., бедный русский! / Н. Головкин // Природа и человек. – 2008. – № 1.

2. Гусейнов, Г. Жест: к дискуссии о современном состоянии языка / Г. Гусейнов // Знамя. – 2006. – № 4.

3. Елистратов, В. Язык как главный герой / В. Елистратов // Знамя. – 2007. – № 7.

4. *Елистратов, В.* В трехмерном пространстве русского языка: заметки на полях дискуссии / В. Елистратов // Знамя. – 2006. – № 9.

5. *Зубова, Л.* Что может угрожать языку и культуре? / Л. Зубова // Знамя. – 2006. – № 10.

6. *Кронгауз, М.* Язык мой – враг мой? / М. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – № 10.

7. *Мечковская, Н. Б.* Демократизация языков: факты, коллизии, альтернативы / Н. Б. Мечковская // Acta Neophilologica. – Olsztyn. – 2006. – № 8.

8. *Милославский, И.* Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет / И. Милославский // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151–164.

9. *Эпштейн, М.* Русский язык в свете творческой филологии / М. Эпштейн // Знамя. – 2006. – № 1.

10. *Эпштейн, М.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3.